

Несколько незаконнорождённых молодых господ и барышень поспешили поддержать своих наложниц, оберегая их в своих объятиях. Все они владели боевыми искусствами и, видя, что Лун Чи не ударила слишком сильно, а лишь оглушила, быстро распорядились, чтобы служанки отвезли их наложниц в повозки. Более сообразительные поспешили дать указания кучеру обязательно держаться поблизости, чтобы не потеряться, и пообещали щедрую награду в виде слитка золота за благополучное прибытие на место, а также отправили своих слуг сопровождать их.

Лун Чи заметила, что молодые господа и барышни из клана Фэн довольно забавны.

Владения старшей ветви семьи были загружены в четыре повозки. Одна повозка для незаконнорождённых барышень, одна для незаконнорождённых молодых господ, одна для наложниц и одна для второй жены, которая везла с собой своих родных сыновей, невесток, дочерей, внуков и внучек. Старшая ветвь клана Фэн была не слишком многочисленной, но у второго господина Фэна были свои дети, старший из которых уже женился и обзавёлся потомством, что в сумме составляло более двадцати человек. Вместе с охраной, служанками и слугами, которые занимались их бытом, эта группа насчитывала более двухсот человек.

Они уже собирались отправляться, как вдруг появились служанка и горничная, которые искали молодого господина Жуя, утверждая, что одна из них беременна его ребёнком, и умоляли не бросать их.

Пятнадцатилетний юноша уже сел в повозку, но, услышав крики, снова вышел и, опустившись на колени перед повозкой второй жены, умолял взять с собой горничную.

Вторая жена холодно сказала:

— Уведите его, посадите молодого господина Жуя в повозку.

Молодой господин Жуй закричал:

— Отпустите меня, я хочу быть с Сяо Цао, мы будем вместе до самой смерти.

Он отчаянно сопротивлялся, отказываясь садиться в повозку.

Взгляд Нань Лицзю стал ледяным, она подняла руку, и мощный порыв ветра отбросил его от повозки.

Молодой господин Жуй неуклюже упал на землю.

Нань Лицзю холодно произнесла:

— В путь. Кто не хочет идти или не сможет поспевать, останется здесь.

Лун Чи, толкая повозку Нань Лицзю, спросила:

— Эта Сяо Цао, она ведь не из владений старшей ветви семьи?

Лицо второй жены стало мрачным, она вернулась в повозку, приоткрыла занавеску и сказала Лун Чи:

— Нет, она не из владений старшей ветви.

Лун Чи сказала:

— В смутные времена жизнь человека ценится меньше, чем жизнь собаки, и легче, чем травинка. Старик-гадатель в городе говорил: «Лучше быть собакой в мирное время, чем человеком в смутное».

Владения старшей ветви находились на расстоянии нескольких сотен шагов от главных ворот клана Фэн, и повозки, проезжая по длинной аллее, уже привлекли внимание многих.

Когда Нань Лицзю и Лун Чи вывели людей старшей ветви к воротам, второй господин Фэн уже стоял там с людьми, преграждая путь.

Второй господин Фэн с фальшивой улыбкой сказал:

— О, в такой поздний час вы собрались всей семьёй, куда это вы направляетесь?

Нань Лицзю холодно произнесла два слова:

— Уступите дорогу.

Второй господин Фэн с назидательным тоном сказал:

— Лицзю, как бы то ни было, я твой двоюродный дедушка...

Нань Лицзю резко прервала его:

— Кто стоит на пути — умрёт.

Она посмотрела на второго господина Фэна.

Второй господин Фэн выпрямил грудь:

— Тогда ты пройдёшь через мой труп.

Как только он произнёс эти слова, он почувствовал, как перед глазами всё поплыло, затем шею охватил холод, и он увидел, как молодая хозяйка из Обители Женьшеневого Владыки стоит

рядом, вкладывая меч в ножны. На его шее потекла тёплая жидкость, он с недоверием потрогал шею, затем почувствовал боль в груди и, потрогав её, обнаружил дыру. Затем, широко раскрыв глаза, он рухнул замертво. До последнего вдоха он не мог понять, почему они его убили.

Нань Лицзю и Лун Чи действовали почти одновременно.

Второй господин Фэн лежал на земле, и коляска Нань Лицзю проехала прямо по его телу.

Кровь струилась из тела второго господина Фэна.

Охранники у ворот клана Фэн, увидев их, отступили, даже не осмелившись вытащить мечи из ножен, не говоря уже о том, чтобы угрожать. Вторая жена, а также молодые господа и барышни в повозках были потрясены, даже кучер был напуган. Первым пришёл в себя старший сын старшей ветви, он выпрыгнул из повозки, оттащил тело второго господина Фэна, которое переехала коляска Нань Лицзю, в сторону, закрыл ему глаза, накрыл лицо своим носовым платком, трижды поклонился, затем вскочил в повозку и крикнул:

— Чего вы застыли? В путь!

Лун Чи обернулась и посмотрела на старшего сына старшей ветви, который обычно оставался в тени, их взгляды встретились, и старший сын старшей ветви поклонился ей, затем опустил занавеску и вернулся в повозку. Она вдруг вспомнила, что Фэн Цзюнь был усыновлён Фэн Цзяньюанем, а его настоящий отец был Фэн Цзянье, который сейчас лежал мёртвый на земле. Она и Нань Лицзю сопровождали из поместья внуков и внучек Фэн Цзянье. Лун Чи не могла понять, зачем родной отец, чьи дети уезжали, выбежал их останавливать. О чём он думал?

Она вышла за ворота клана Фэн, улица была пустынной, на дороге никого не было, только в темных углах пряталось несколько человек, украдкой наблюдая за воротами клана Фэн. Она оглянулась на повозки и многочисленных слуг, служанок, горничных и слуг, которые следовали за ними, и почувствовала себя озадаченной.

Бегство, но с целой свитой слуг, чтобы все знали, куда направляются люди старшей ветви клана Фэн.

Можно было просто раздать слугам деньги на увольнение, чтобы они сами спасались, а люди старшей ветви могли бы смешаться с ними и незаметно ускользнуть, вернувшись, когда опасность минует.

Она снова посмотрела на высокие ворота и на неопытных молодых господ и барышень, затем взглянула на Нань Лицзю, чьё лицо ничего не выражало, повернулась и запрыгнула на повозку, где находилась вторая жена.

Вторая жена обняла свою младшую дочь и смотрела на неё, её сжатые руки выдавали страх.

Лун Чи сказала:

— Если вы вернётесь в родительский дом, это принесёт вашей семье катастрофу. Если вы последуете за нами в отделение дворца Сюаньньюй в Циньчжоу, всех этих служанок, горничных, слуг и охрану придётся связать и запереть, и вы тоже никуда не сможете пойти. Вы можете не ценить свои жизни, но мы не можем не ценить жизни людей дворца Сюаньньюй.

Вторая жена сказала:

— Мы вернёмся в родительский дом.

Лун Чи спросила:

— Вы уверены?

Вторая жена ответила:

— Мы уверены.

Старший сын старшей ветви был потрясён и крикнул:

— Мама, мы пойдём в отделение дворца Сюаньньюй.

Вторая жена твёрдо сказала:

— Нет, мы вернёмся в дом вашего деда.

Лун Чи сказала:

— Те, кто хочет пойти в отделение дворца Сюаньньюй в Циньчжоу, пусть идут со мной сейчас.

Вторая жена строго сказала своим дочерям:

— Идите со мной в дом вашего деда.

Старший сын старшей ветви крикнул:

— Мама, разве вы не слышали, что Лун Чи сказала, что это принесёт нашему деду катастрофу?

Вторая жена сказала Лун Чи:

— Лун Чи, спасибо, что проводили нас, вы можете идти.

Старший сын старшей ветви крикнул:

— Мама!

Вторая жена наклонилась к старшему сыну и с горечью прошептала ему на ухо:

— Она убивает, не моргнув глазом! Они убили даже вашего деда.

Она не стала продолжать, улыбнулась Лун Чи и сказала:

— Лун Чи, спасибо за ваши усилия. Мы расстаёмся здесь, когда второй господин вернётся, я попрошу его лично поблагодарить вас.

Лун Чи слегка кивнула, повернулась и спрыгнула с повозки.

Старший сын старшей ветви тяжело вздохнул, с досадой сел в повозку и замолчал.

Лун Чи стояла на дороге, наблюдая, как повозки старшей ветви, окружённые слугами, удалялись в ночи.

Рядом два слуги Фэн Цзяньюаня дрожали от страха, не осмеливаясь последовать за ними.

Вчетвером они медленно направились к отделению дворца Сюаньньюй в Циньчжоу.

Пройдя большую часть улицы и пересекая центральную ось внутреннего города, они снова увидели высокие ворота — клан Синь.

В доме Синь ярко горел свет, на перекрёстке стояли вооружённые охранники, перекрывая дорогу, и были установлены заграждения. На воротах висели белые флаги, фонари были заменены на белые, из двора доносились шум и звуки проведения обряда.

Охранники на перекрёстке тоже были в траурных одеждах, увидев их, настороженно наблюдали. Один из охранников, увидев, что они собираются пройти мимо, подошёл и поклонился:

— Простите, у нас в доме траур, эта дорога временно закрыта.

Лун Чи усмехнулась, толкая коляску Нань Лицзю, они обошли стороной. Пройдя некоторое расстояние, она сказала:

— Готовый предлог — месть за убийство отца.

Клан Фэн и клан Синь разделяла центральная ось, самая широкая улица внутреннего города была тихой, кроме них, на улице никого не было, а на крышах и в мусорных кучах в переулках повсюду прятались люди.

Отделение дворца Сюаньньюй находилось во внешнем городе, отделённом от внутреннего

городскими воротами.

Когда они подошли к воротам, ворота внутреннего города были закрыты, на стенах стояли вооружённые солдаты, за воротами люди кричали, требуя открыть их, некоторые даже пытались прорваться, а с башни стреляли стрелами.

<http://bllate.org/book/15297/1351490>